

Как уже указывалось, в разговоре Февеуса «юриспруденции учителя» и Назона «мореплавания учителя» идет спор о познаниях последнего в науке мореплавания (д. III, явл. 1):

Февеус. ... Но и ты, мой друг, не очень чванься твоими делами, ты учишь мореплавание, а чаю, что отроду на море не бывал. Мне кажется, что на бумаге гораздо легче управлять кораблем, нежели на море, понеже на море ветры не пером, ниже кистию не начертаны.

Назон. Я на море не бывал, однако мореплавание науку совершенно знаю. Знаю, сколько у нас было адмиралов, кораблепавателей и славных мастеров, следовательно, я довольно знаю сию науку.

Февеус. Это, о чем ты упоминаешь, знают и все адмиралтейские копеесты, потому что все то у них в протоколах написано.

По-видимому, Февеус намекает на следующую книгу: «Собрание списков, содержащее имена всех служивших в российском флоте с начала оного флагманов, обер-сарваеров и корабельных мастеров и ныне служащих в оном и при Адмиралтействе как флагманов, штаб- и обер-офицеров. В Санктпетербурге. При Морском шляхетском кадетском корпусе, генваря 1 дня 1764 года». Книга эта, действительно, не содержит ничего, кроме списков. Она составлена и издана Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым, с 1762 года определенным в Морской шляхетный корпус и в 1764 году назначенным директором Корпуса.

Следовательно, можно предположить, что Назон — это Кутузов! Окончив Морской корпус в 1746 году, И. Л. Голенищев-Кутузов плавал командиром фрегата в 1753—1754 годах между Кронштадтом и Архангельском, что тогда считалось серьезным испытанием для мореходца, но позднее, по слабости здоровья, он уже в плаваниях не бывал, и это дало, очевидно, Эмину повод заставить Назона — Кутузова говорить о себе: «Я на море не бывал».

Что речь идет именно о Голенищеве-Кутузове, доказывается еще и продолжением разговора Февеуса с Назоном, в котором, по-видимому, звучит отголосок какой-то личной обиды Эмина на типографию Морского корпуса и ее начальство:

Февеус. Вчерашнего числа я видел, как к тебе был принесен роман, и сочинитель тебя просил, чтоб ты его в типографии, находящейся под твоим смотрением, напечатал; ты, автора в первый раз увидя, презрел, сказал, что ты не хочешь печатать романов потому, что они не полезны и порицания достойны. Но мне кажется, что для тебя все равно, какую бы кто книгу не печатал, понеже ты за печать всякой книги равное число денег получаешь. Такая твоя речь показала тебя человеком много о себе думающим, но при всем твоим умствованием не очень же ты славен твоими делами и, презирая романы, физических и астрономических книг не издаешь.

Назон. Ты со мной говори поучтивее. Знаешь ли ты, что я чином знатный человек?